

**«Странствователь по суше и морям» Е. П. Ковалевского:
автор и читатель в пространстве травелога**

О. А. Фарафонова

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Первые Чумаковские чтения» (27–28 апреля 2018 г.), и посвящена анализу книги Е. П. Ковалевского «Странствователь по суше и морям» с точки зрения специфики взаимодействия автора и читателя в контексте произведения «литературы путешествий» XIX в. Особое внимание автор статьи обращает на то, каким образом читатель вовлекается в сюжетное пространство травелога Ковалевского, становясь если не участником, то свидетелем описываемых событий. Образ читателя в «Странствователе» очевидно носит двойственный характер. Автор часто апеллирует к читателю «сведущему», обладающему тем же опытом, что и путешественник. Наряду с таким, близким по духу к автору, читателем в книге Ковалевского есть читатель-«неофит», для которого текст «Странствователя» должен стать путеводителем и ориентиром в незнакомом пространстве Средней Азии. Специфика травелога Ковалевского в контексте подобных произведений XIX в. состоит в том, что маршрут путешествия не является в данном случае определяющим. Сюжет «Странствователя» образуют не столько подробно описанные маршруты азиатских экспедиций автора, сколько наиболее яркие события путешествий, особенно врезавшиеся в память автора. Это, с одной стороны, способствует некоторой

Фарафонова О. А. «Странствователь по суше и морям» Е. П. Ковалевского: автор и читатель в пространстве травелога // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 10–24.

беллетризации повествования, а с другой стороны, сближает книгу Ковалевского с жанром мемуаров.

Ключевые слова: травелог, читатель, автор, мемуары, композиция, маршрут путешествия.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-10-24

Контактная информация: Фарафонова Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, oxana.faroks@yandex.ru)

«Странствователь по суше и морям» – второе произведение Егора Петровича Ковалевского после «Четырех месяцев в Черногории». Как и рассказ о путешествии в Черногорию, «Странствователь» стал литературным обобщением реального опыта и наблюдений автора, почерпнутых из его путешествий в Среднюю Азию, Афганистан, Карпаты и на Балканы. Однако вторая книга Ковалевского о путешествиях во многом не похожа на первую. И дело не столько в том, *что* описывает автор (Черногорию или Среднюю Азию), сколько в том, *как* он это делает. И особенно в том, как он вовлекает читателя в пространство своих путешествий.

В биографическом очерке, предваряющем «Странствователя по суше и морям» в собрании сочинений Ковалевского 1871 г., сказано следующее: «Путешествия и в службе и литературе составили того цельного “Странствователя по суше и морям”, который по праву завладел принадлежащим ему и там, и здесь местом. После Черногории Хива, Бухара, Ташкент и проч., вызвали ряд самобытных и ярких очерков, в форме для того времени небывалой, в изложении легком и живописном, трепетавших образностью, юмором и меткой наблюдательностью»¹ [Ковалевский, 1871, с. 12].

Написанию Е. П. Ковалевским «Странствователя» предшествует долгая история накопления впечатлений: буквально – в путешествиях, и заочно – посредством чтения о путешествиях других. Причем такое заочное «приобщение» к стране, в которой ему предстояло побывать, как правило, предваряло непосредственное с ней знакомство. И этот читательский опыт не только помогает ему ориентироваться в пространстве новой для него страны, но и служит впоследствии богатым материалом для описания своих путешествий.

¹ Очерк без подписи, но, очевидно, эта характеристика «Странствователя» принадлежит племяннику Е. П. Ковалевского Павлу Михайловичу Ковалевскому.

Так, например, готовясь к поездке в «Бухарию», которая состоялась в 1839 г., Ковалевский много читает, всерьез занимаясь изучением ее истории, географии, этнографической и политической специфики. Собственный читательский опыт он систематизирует в опубликованном в 1834 г. в «Библиотеке для чтения» очерке «Средняя Азия. Путешествие Муравьева, Мейндорфа, Конолли и Борнса» [Ковалевский, 1834]. Здесь Ковалевский обобщает, как бы реферировывает несколько текстов, написанных непосредственными участниками разного рода экспедиций в Хиву и Бухару 1820–1830-х гг. Обращает на себя внимание список имен путешественников, о которых рассказывает Ковалевский в этом очерке. Первый – Николай Николаевич Муравьев (Карский) – совершил экспедицию в Хиву в 1819–1820 гг. [Муравьев-Карский, 1822] и описал свое путешествие в двухтомном сочинении. Второй – Егор Казимирович Мейндорф, посланный с дипломатической миссией в Бухару в 1820 г. Сначала в «Северном архиве» было опубликовано его «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухарию в 1820 году» [Мейндорф, 1822], а потом – в 1826 г. – в Париже выходит объемное сочинение Мейндорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухарию в 1820 году, через степи, простирающиеся на восток от моря Аральского и древнего Яксарта», отрывки из которого на русском языке публикует все тот же «Северный архив» [Мейндорф, 1824]. Что касается еще двух авторов, сочинения которых о Средней Азии привлекли внимание Ковалевского, то это английские подданные Артур Конолли и Александр Бернс, побывавшие в Азии в 1829–1830 гг. Ковалевский переводит с английского и цитирует их путевые журналы, изданные в Лондоне в 1834 г.: «Путешествие в Северную Индию сухопутным путем из Британии через Россию, Персию и Афганистан» Конолли [Conolly, 1834] и «Путешествие в Бухару» Бернса [Burnes, 1834]. Интересно, что Ковалевский не просто пересказывает истории чужих путешествий, но действительно внимательно читает и стремится критически осмыслить, то о чем писали его предшественники². Один из выводов, которые он делает для себя – «киргизы/хивинцы/азиаты –

² Кроме отмеченных в этом обзоре, в круг источников предварительных знаний Ковалевского о Средней Азии следует отнести и «Описание киргиз-казацких орд и степей» А. И. Левшина, изданное в Петербурге в 1832 г., более ранний текст Филиппа Ефремова «Девятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии» (издано в 1811 г.), а также отчеты о поездках в «Бухарское ханство» П. И. Демезона и И. В. Виткевича (1832 г.). Б. А. Вальская указывает на то, что «до отъезда в Бухару Ковалевский познакомился с материалами русских путешественников в Бухару – Демезона и Виткевича – и лично встретился с посланником Бухары в России Балтакули Чиготай Бек Рахимбековым» [Вальская, 1956, с. 47]. В. Л. Виленкин в качестве возможных источников называет еще работы Э. А. Эверсмана и Х. И. Пандера, побывавших в Центральной и Средней Азии в 1820-х гг. [Виленкин, 1969, с. 21].

коварный народ»³, которому нельзя доверять. Впоследствии в «Странствователе» он несколько раз вернется к этой мысли, уже имея возможность подкрепить ее собственным опытом.

Таким образом, опыт внимательного и критичного читателя, помноженный на опыт собственных путешествий по Средней Азии, составляет основу феномена «Странствователя по суше и морям».

В предисловии, которым Ковалевский предваряет издание «Странствователя» 1843 г., обращает на себя внимание номинация «путевые записки», которая вкупе с названием книги, очевидно, настраивает читателей на то, что им будет представлен текст реального путешествия / путешествий автора. Публика начала сороковых годов XIX в. с жанром путешествий была хорошо знакома, тексты такого рода печатались много и регулярно⁴. К этому времени был накоплен и достаточный читательский опыт осмысления «литературы путешествий», который остроумно обобщил В. М. Гуминский: «“Путешествие” всегда понимается как раскованное “безо всякой связи и порядка” (Пушкин), но и “без малейшей перерывки” (“Сев. вестник”), повествование о “всякой всячине, что попадает под руку” (Булгарин), “что придет в голову” (“Сев. вестник”): то о “кладбище и трактире” (“Сев. вестник” и др.), то о “Юнге и одежде немцев” (Крылов)» [Гуминский, 1987, с. 140]. Однако из отзыва В. Г. Белинского, опубликованного в 1843 г., сразу после выхода в свет «Странствователя», понятно, что произведения Ковалевского разительным образом отличаются от всего знакомого и «неоднократно» читанного: «Нам неоднократно доводилось читать (и даже слушать на кой-каких публичных чтениях) начертания путешествий, где, как в пространной географии, автор весьма подробно, по систематическому порядку, описывает положение страны, нравы и обычаи жителей, произведения природы, искусств и так далее. Все это очень полезно, потому что всегда почти увеличивает запас наших сведений, почерпнуты ли эти сведения из напечатанных уже дорожников, или состоят из собственных наблюдений путешественника. Но все это большею частию немножко скучно, потому что в подобных начертаниях замечаешь более трудолюбия и начитанности, нежели ума и таланта. Этого нельзя сказать об авторе “Странствователя по суше и морям”» [Белинский, 1955, с. 610]. Белинский обращает внимание читателей и на манеру повествования в «Странствователе»: «Это отрывистые, легкие, оживленные бойким рассказом очерки, вроде путевых впечатлений Александра Дюма» [Там же].

Принцип, которому подчинен состоящий из четырех частей «Странствователь», – «свободное, бессюжетное повествование». Каждая из 4-х час-

³ «Корыстолюбие и лживость, вероломство и подлость суть отличительные черты характера бухарцев» [Мейндорф, 1822, с. 190].

⁴ Доказательств тому немало было обнаружено нами при работе над составлением Указателя русских травелогов [Печерская, 2016].

тей включает, в свою очередь, разное количество очерков. Отметим, что книгу Ковалевского от травелога как такового отличает одна особенность – в ней нет четко обозначенного маршрута путешествия, который, по мнению Гуминского, «вносит организующее начало в жизненный хаос, преобразуя его в определенную картину мира, отвечающую цели путешествия (научной, литературной и т. д.)» [Гуминский, 1987, с. 142]. У Ковалевского маршрут если и прорабатывается, то не в книге в целом, а лишь в отдельных очерках, и то не во всех. В основном обозначаются только локация «Средняя Азия», «Ташкент», «Бухара», «Хива» и т. п. Это принципиально выделяет «Странствователя» на фоне остальной литературы путешествий первой половины XIX в.

По воспоминаниям племянника, Павла Михайловича, Ковалевский говорил: «Надо писать то, что я видел так, как обыкновенно у нас не пишут. Мне кажется, только тогда и выйдет интересно» [Ковалевский, 1871, с. 12–13]. В уже упомянутом обзорном очерке «Средняя Азия», опубликованном в «Библиотеке для чтения», Ковалевский писал, что ничто не заставит «нас забыть об удовольствии читателей: *мы обставим наши доводы занимательными чертами сочинений, на которых будем опираться наши рассуждения*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – О. Ф.) [Ковалевский, 1834, с. 107]. Видимо, поэтому заданная в «Странствователе» предисловием достоверность и подлинность изображаемого, не означает в случае Ковалевского буквальности изображения (в том числе и маршрута следования путешественника). Свойственная травелогу достоверность, к которой уже привык читатель начала XIX в., достигается в «Странствователе» иначе. Читатель вслед за путешественником следит не за маршрутом и не за этнографическими и иными подробностями, но «обращает внимание <...> на человека в разгаре его страстей, в роковые минуты его жизни, и потому рассказ автора иногда облекается в легкость романического повествования, а иногда доходит до драматического движения» [Белинский, 1955, с. 610].

П. А. Плетнев писал в «Современнике», что Ковалевский «не подражает путешественникам, которые заботятся, как бы поболее совместить положительных известий в своем сочинении. *Его стихия – случайные события, которые, впрочем, действуя на воображение читателя, совершенно переносят его на сцену происшествий и тем знакомят вполне с жизнью описываемых стран.* Мы уверены, что многие из этой книги почерпнут более для мысли, нежели из самых подробных топографий и статистических таблиц» [Плетнев, 1885]. «Случайные события», которые, по мнению Плетнева, являются организующим моментом в повествовании Ковалевского, на самом деле, разумеется, далеко не случайны, а тщательнейшим образом отобраны и представлены в определенной последовательности. Причем не маршрут выступает «структурным стержнем» [Фарафонова, 2016, с. 262] этой последовательности. Основой повествовательной струк-

туры «Странствователя» становится воспоминание. На первом плане, по закону уже мемуарного жанра, оказываются наиболее яркие события путешествий, особенно врезавшиеся в память автора. В пользу предположения о мемуарном характере нарратива в «Странствователе по суше и морям» говорит и то, что написана книга была спустя несколько лет после экспедиций Ковалевского. Таким образом, в «Странствователе» совмещаются черты травелога и мемуарного повествования. Этим во многом определяется специфика нарративной структуры произведения, его композиции и особого, довольно личностного, обращения к читателю.

Индивидуально-личностный характер нарратива первой части «Странствователя» прежде всего обуславливает то, что Ковалевский, как автор травелога, безусловно, берет за основу собственные впечатления о Средней Азии, почерпнутые из экспедиций. Но не только. В его повествовании личный опыт переплетается с рассказами других очевидцев или участников описываемых событий и даже с тем, что, как уже отмечалось, он почерпнул из записок и очерков русских и европейских путешественников, побывавших в Средней Азии до него. С этим богатым материалом автор «Странствователя» обращается довольно свободно, не столько прорисовывая маршруты своих экспедиций (именно маршруты странным образом оказываются вторичны в его тексте) и не столько передавая собственные впечатления (хотя их немало в «Странствователе»), сколько организуя определенным образом читательское впечатление.

Очевидно, что свобода Ковалевского в обращении с материалом своих, и не только, путешествий может быть заметна лишь тому небольшому кругу читателей, которых с автором связывает общность опыта и воспоминаний⁵. Это сознательная установка автора: «Описываю только то, что видел сам или слышал от очевидцев. Судьба кидала меня большею частью в страны малоизвестные и почти недоступные для европейцев; на мою долю всегда доставались труд и лишения; тем не менее, участники в моих странствованиях, в моих тяжких экспедициях с сердечным трепетом вспомнят былое, читая эти страницы: былое всегда так отрадно для воспоминаний» [Ковалевский, 1843, с. 21].

Организуя повествование книги Ковалевского «случайные события» среднеазиатских путешествий на самом деле отобраны тщательным образом и тщательным же образом соотнесены друг с другом в композиции произведения. Это намеренная и продуманная стратегия автора.

Так, первая часть «Странствователя» состоит из шести очерков:

- 1) «Зюльма или женщина на востоке. (Ташкент)»;

⁵ Как минимум эти читатели должны были побывать там, где довелось побывать автору «Странствователя» (к таким «участникам моих странствий» может быть отнесен, например, В. И. Даль, см. его «Письма к друзьям из похода в Хиву» [Даль, 1867], где он описывает как раз неудачный зимний поход Перовского и встречу в Ак-булаке с отрядом Ковалевского).

- 2) «Неср-Улла хан и Куч-беги. (Бухара)»;
- 3) «Экспедиция на пути в Бухару, и военная экспедиция, действовавшая против Хивы»;
- 4) «Английские офицеры в Средней Азии»;
- 5) «Военная экспедиция по закраинам льда восточных берегов Каспийского моря»;
- 6) «Пленный персиянин. (Хива)».

Очевидно, что, последовательность этих очерков (обозначенных самим автором как «путевые записки») не может быть объяснена ни с точки зрения маршрута, ни с точки зрения хронологии, потому что Ковалевский, не выстраивая первый, намеренно не выдерживает и последнюю. Это легко обнаружить, если выстроить события в том порядке, в котором они в действительности происходили, соотнеся их при этом с маршрутом следования двух подряд (неудачной и удачной) экспедиций Ковалевского в Бухару:

«Военная экспедиция по закраинам льда восточных берегов Каспийского моря» – 1836 г.;

«Экспедиция на пути в Бухару, и военная экспедиция, действовавшая против Хивы» – 1839 г.;

«Пленный персиянин. (Хива)» – 1840 г.;

«Зюльма или женщина на востоке. (Ташкент)» – весна 1840 г.;

«Неср-Улла хан и Куч-беги. (Бухара) – весна 1840 г.».

Что касается очерка «Английские офицеры в Средней Азии», то он занимает в первой части «Странствователя» совершенно особое место уже потому, что не является воспоминанием о событиях, свидетелем или участником которых был Ковалевский. Но к этому мы вернемся чуть позже.

Таким образом, самые ранние по времени события (1836 г.) описаны в пятом по счету очерке первой части – «Военная экспедиция по закраинам льда...». Речь идет об экспедиции отряда уральских казаков под командованием полковника Мансурова, целью которой было «наказание киргизского рода адаевцев, у которых преимущественно находили убежище морские разбойники и эмиссары хивинские» [Терентьев, 2016, с. 32]. Ковалевский не принимал участие в этом «замечательном походе», поэтому повествование в очерке «Военная экспедиция по закраинам льда...» ведется от третьего лица⁶. Возобновляя «смелую экспедицию наших уральцев в памяти тех, которые участвовали в ней» [Ковалевский, 1871, с. 103], Ковалевский в деталях описывает поход отряда Мансурова. Знать подробности этого «дела», он, предположительно, мог от непосредственных участников экспедиции Мансурова – казаков, сопровождавших потом Ковалевского в 1839 г. в его первой, неудавшейся экспедиции в Бухару.

⁶ Отметим, что так написаны только два очерка в составе первой части «Странствователя». Кроме «Военной экспедиции по закраинам льда ...», это очерк «Английские офицеры в Средней Азии».

Именно этот поход его небольшого отряда (14 человек) описан в третьем по счету очерке «Экспедиция на пути в Бухару, и военная экспедиция, действовавшая против Хивы».

Б. А. Вальская отмечает, что в экспедиции в Бухару Ковалевский ведет рукописный путевой журнал с 30 октября по 24 ноября 1839 г. [Вальская, 1956, с. 53]. Однако «Путевой журнал» Ковалевский ведет не один, а вместе со своим спутником А. Р. Гернгросом. Ведут они его ежедневно, с вынужденным перерывом на время пребывания в осажденном Ак-Булакском укреплении, и заканчивают, на самом деле, 11 марта 1840 г. Этот журнал Ковалевский представил 23 августа 1840 г. как часть своего отчета в Министерство иностранных дел, он был опубликован в 1980 г. в 22-м томе альманаха «Страны и народы Востока» [Вальская, 1980]. В «Путевой журнал» Ковалевский и Гернгрос записывали маршрут путешествия, количество пройденных верст, метеорологические наблюдения; отмечали наличие воды, корма для скота и топлива, а также описывали геолого-географические особенности местности. В журнале есть записи о встречах в пути с местными жителями – казахами, которых авторы «Путевого журнала» называют киргизами, а также с хивинцами. Вальская, комментируя публикацию «Путевого журнала» Ковалевского – Гернгроса в 22-м томе альманаха «Страны и народы Востока», пишет: «Во время путешествия Ковалевский и Гернгрос собрали интересный материал и для статьи “Описание западной части Киргиз-Казачьей степи”, которую опубликовали в “Горном журнале”. “Путевой журнал” лег в основу очерка Ковалевского “Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839–1840 года)”, опубликованного в “Странствователе по суше и морям”, а потом перепечатанного в “Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений” как “Отрывок из дневника русского офицера”» [Вальская, 1956, с. 53–54].

События, описанные в «Путевом журнале», действительно «легли в основу» одного из самых примечательных очерков первой части «Странствователя по суше и морям». Этот очерк выделяется на фоне остальных: он единственный из шести имеет посвящение, которое без труда может быть расшифровано – «капитану Александру Гернгросу»; он открывается своеобразным предуведомлением, в котором сообщается, что следующий далее текст принадлежит не самому Ковалевскому, а некоему «спутнику» автора: «Вот место наших печальных приключений, – сказал он, и когда приветливый огонек осветил и согрел нашу джулому, когда благодатный чай освежил нас, он начал читать свой путевой журнал 1839–1840 годов, памятных в киргизской степи по многим отношениям. Я передаю этот журнал, только с некоторыми сокращениями» [Ковалевский, 1871, с. 46].

Далее следует журнал, состоящий из четырех глав, которые еще делятся указанием точных дат и места действия. По справедливому замечанию О. Ю. Осьмухиной, в русской прозе этого периода «очевидно усложняют-

ся взаимоотношения творца с изображаемой реальностью», появляется «нарративная игра с участием нескольких рассказчиков» [Осьмухина, 2011, с. 8]. Таким образом, сам автор «Странствователя» превращается на какое-то время в издателя и комментатора якобы чужого текста. Предположение, что автором приводимого в этом очерке «журнала» мог действительно быть кто-то другой, например Гернгрос, не находит подтверждений. Автор «Странствователя» вступает с читателем в своего рода литературную игру, правила которой вполне соответствуют литературным тенденциям первой половины XIX в.

Если первые три главы журнала неизвестного спутника посвящены изложению того, в чем сам Ковалевский был прямым участником и чему был очевидцем, то в последней есть описание событий, происходивших в одно и то же время, но в разных местах. Первое Ковалевский называет «Дело 18-го и 19-го ноября, при Ак-Булаке». «Это было первое дело с хивинцами!» – таким восклицанием завершается описание того, как небольшой отряд русских выдержал осаду и отразил подряд несколько атак на укрепление. Ковалевский был не просто непосредственным участником этого «дела», он возглавил оборону Ак-Булака, но в «Странствователе» он умалчивает об этом и даже передает право рассказывать некоему безымянному участнику. Второе событие, обозначенное как «Дело 19 и 20 ноября в 15-ти верстах от Ак-Булакского укрепления», имеет отношение уже к небольшой части военной экспедиции Перовского под командованием поручика Ерофеева, которой довелось в заснеженной степи выдержать бой с хивинцами. О подробностях этой стычки в степи Ковалевский, скорее всего, знал от самого Ерофеева. В этом фрагменте повествование ведется уже не от первого лица, но с не меньшим знанием дела.

Такое соединение сведений, знаний, впечатлений, полученных из разных источников, подкрепляемых собственным опытом автора, – характерная черта повествования в «Странствователе». Очевидно, это позволяет Ковалевскому продемонстрировать объемное и масштабное видение описываемых ситуаций и событий и способствует некоторой, очевидно осознанной, беллетризации травелога.

Очерк «Зюльма или женщина на востоке (Ташкент)», открывающий первую часть «Странствователя», по времени описываемых событий и по маршруту следования второй экспедиции Ковалевского должен быть предпоследним. В Ташкенте Ковалевский побывал по дороге в Бухару весной-летом 1840 г., когда, оправившись после неудачи первого похода, предпринял еще одну попытку достичь цели, на этот раз успешную. Этот очерк – единственный в этой части «Странствователя» – начинается со слова «я», что органично перекликается с предисловием к читателю, подтверждая, что не кто иной, как этот «я», т. е. автор, Е. П. Ковалевский, является не только повествователем о событиях, но и самым главным их участником.

Примечательно, что, расположив очерк «Зюльма» в самом начале первой части, Ковалевский в полной мере реализует то, что Гуминский называет «исходный момент, диалектический толчок к познанию неизвестного, незнакомого» [Гуминский, 1987, с. 149], который свойственен жанру путешествий (как литературных, так и нет) – со-противопоставление «своего» и «чужого». Именно в этом очерке ярче, чем в любом другом, через представленное разительное отличие восточных нравов и обычаев от европейских обозначена граница своего и чужого. Занимая начальное положение в общей композиции текста, очерк «Зюльма или женщина на востоке» вводит читателя в неведомое и экзотическое для него пространство сразу, без обиняков, без рассказов о том, как автор оказался на Востоке, расставляет необходимые акценты: автор (и его читатели) – европейцы, принадлежащие совершенно иному миру, иной культуре. Это многое определяет и объясняет в дальнейшем повествовании.

Рассказчик, которого Зюльма сначала называет «феринг» – «европеец» – и просит выкрасть из гарема новую невольницу (потому что «она также из Ферингистана»), отказавшись и услышав от султанши гневное «кяфир проклятый», так объясняет себе и читателю, что происходит: «Я очень понимал, чего хотела она, – избавиться от соперницы, которая могла похитить у нее власть над ханом и народом, и для этого избрала меня орудием <...> Я был унижен, попран в глазах ханши, которая <...> не могла объяснить себе моего поступка иначе, как трусостью, а что может быть презреннее трусости в глазах женщины и особенно азиатки, незнакомой с высокими добродетелями Европы, где поступок мой назвали бы высоким гражданским героизмом» [Ковалевский, 1871, с. 32–33]. «Жизнь европейца-немагометанина незавидна в Средней Азии», – замечает в связи с этим Ковалевский. Развивая мысль, он пишет далее: «Редкий из тех немногих, которые вернулись оттуда, может похвалиться, что он не отведал яда, не испытал побоев или по крайней мере не посидел в яме, что заменяет там наше тюремное заключение» [Там же, с. 27]. Далее он напоминает читателю: «А участь Конолли и, наконец, Бюрнса?» (Бёрнс погиб в 1841 г. в Кабуле, а Конолли в 1842 г. в Бухаре). Здесь, Ковалевский оставляет вопрос без ответа, но потом в очерке «Английские офицеры в Средней Азии», четвертом по счету в книге, Ковалевский подробно расскажет об обстоятельствах гибели Бёрнса и Конолли (того «смелого Конолли» [Там же, с. 89]), очевидно, очень его поразивших, хотя, разумеется, он не был свидетелем описываемых событий. Не мог видеть, как Конолли, «несмотря ни на какие пытки, не принял магометанской религии» и «умер с твердостью, удивившей Бухарцев» [Там же, с. 90]. Но он читал, что писали Бёрнс и Конолли о своих первых путешествиях в Азию, он переводил их и пересказывал русским читателям в «Библиотеке для чтения», он сравнивал их наблюдения между собой и высказывал на этот счет собственные суждения. Их опыт, таким образом, становится частью его собственного опыта.

Очевидно, все это позволяет Ковалевскому включить рассказ о судьбе английских офицеров в свою книгу воспоминаний об экспедициях в Среднюю Азию.

Интересно, что очерк об английских офицерах располагается между двумя самыми героическими повествованиями в этой части «Странствования» – очерком «Экспедиция на пути в Бухару» и описанием «Военной экспедиции по закраинам льда». Возникает очевидное со-противопоставление: англичане и русские в Средней Азии – феринги и кяфиры – это момент их сопоставления, они – европейцы; англичане действовали героически, но в одиночку, выполняя разведывательные, как правило, миссии, и в какой-то момент оказались буквально один на один с иной культурой, иным образом мысли, жизни, обычаями и т. п. В этом противостоянии они погибают. Русские (здесь Ковалевский чаще всего использует местоимение «мы»), усмиряя «корсаров пустыни» или освобождая пленных, действуют сообща и потому побеждают, относясь к героическому как к повседневному: «Мы, русские, не любим говорить о себе; велено – сделано, да и забыли о том» [Ковалевский, 1871, с. 103].

В связи с противопоставлением европейца – магометанин, которое очевидно является одним из ключевых в нарративной структуре «Странствования», следует отметить, что оно вполне соответствует традиции ориентальных травелогов. Однако нельзя не подчеркнуть, что есть и то, что существенно отличает от них повествование Ковалевского: ориентализм в «Странствование» имеет иной фокус зрения, чем обычно. Ковалевского интересуют не столько сами жители Средней Азии и их экзотические для европейского человека нравы и обычаи, сколько собственно сам европейец / русский в незнакомом, зачастую враждебном по отношению к нему, мире. Доказательством этого предположения может служить уже то, что из шести очерков, составляющих первую книгу «Странствования по суше и морям», только один – «Несер-ула хан и Куч-беги» – представляет собой историю, сосредоточенную именно вокруг традиций, нравов, взаимоотношений и политики «бухарцев». В остальных в центре внимания оказываются «феринги» и «кяфиры», к которым относится и сам автор (и его читатель). Нельзя не отметить и безусловно героический характер повествования в этих очерках «Странствования». Героика становится, таким образом, одним из главных факторов противопоставления европейцев не-европейскому миру, главное свойство которого – жестокое коварство.

В заключение напомним отзыв Белинского о книге Ковалевского, в котором критик отмечал, что «Странствование» написан «отрывистыми очерками». Действительно, единого сюжета путешествия у Ковалевского нет. В этом смысле с критиком следует согласиться. И все же перед нами сборник отдельных очерков, написанных по путешественным впечатлениям автора. Нарушая хронологию реальных событий, отказавшись от описания последовательных маршрутов своих среднеазиатских экспе-

диций, Ковалевский, тем не менее, четко очерчивает границы неведомого пространства, по которому ведет своего читателя. Ориентиром в этом пространстве для читателя-«неофита», без сомнений, выступает автор – его опыт и его точка зрения.

Список литературы

Белинский В. Г. Странствователь по суше и морям // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С. 610–614.

Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М.: Географгиз, 1956.

Вальская Б. А. Путешествия Е. П. Ковалевского по Западному Казахстану в 1839–1840 гг. (по неопубликованному «Путевому журналу») // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1980. Вып. 22: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Кн. 2. С. 46–65.

Виленкин В. Л. Странствователь по суше и морям (Егор Петрович Ковалевский). М.: Мысль, 1969.

Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987.

Даль В. И. Письма друзьям из похода в Хиву // Русский архив. 1867. № 3–4.

Ковалевский Е. П. Средняя Азия. Путешествие Муравьева, Мейндорфа, Конолли и Борнса // Библиотека для чтения. 1834. Т. 6, отд. 3. С. 105–136.

Ковалевский Е. П. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1871. Т. 3: Странствователь по суше и морям, в 4-х частях, с биографическим очерком и портретом автора.

Мейндорф Е. К. Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухарию в 1820 году // Северный архив. 1822. Январь. № 2. С. 184–193.

Мейндорф Е. К. Отрывок из путешествия в Бухарию полковника барона Мейндорфа в 1820 и 1821 годах // Северный архив. 1824. Январь. № 1. С. 31–40; Январь. № 2. С. 82–90; Февраль. № 3. С. 152–162.

Муравьев-Карский Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: Тип. Августа Семе́на, 1822.

Осьмухина О. Ю. Авторская маска в процессе становления авторского сознания (к вопросу о жанровой форме) // XXVI Пушкинские чтения. 19 октября 2011: Сб. науч. докл. М., 2011. С. 7–14.

Печерская Т. И. Проект «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII – начала XX в.”»: к постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы и нарративы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–19.

Плетнев П. А. Странствователь по суше и морям // Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1885. Т. 2. С. 407–408.

Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. М.: Вече, 2016.

Фарафонова О. А. Маршруты русских травелогов XVIII века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы и нарративы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 261–285.

Burnes A. Travels into Bokhara. Being an account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia. Also, narrative of a Voyage on the Indus from the Sea to Lahore. London: John Murray, 1834.

Conolly A. Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. By Leut. London: Richard Bentley, 1834.

Article metadata

Title: “The Wanderer by Land and Sea” E. P. Kovalevsky: The Author and Reader in the Space Traveler

Author: O. A. Farafonova

Author’s e-mail: oxana.faroks@yandex.ru

Author’s affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The article is written on the basis of the report read at the conference “The First Chumakov Readings” (April 27–28, 2018) and is devoted to the analysis of the book by E. P. Kovalevsky “Wanderer by land and sea” in terms of specific interaction of the author and the reader in the context of the work of “travel literature” of the 19th century. The author pays special attention to the way in which the reader is drawn into the story space of the travelogue Kovalevsky, becoming, if not a participant, then a witness of the events described. The image in the reader obviously has a dual character. The author often appeals to the reader “knowledgeable”, who has the same experience as the traveler. Along with such, close in spirit to the author, the reader in Kovalevsky’s book is an inexperienced reader, for whom the text of the book should become a guide and a guide in the unfamiliar space of Central Asia. Specificity travelogue Kovalevsky in the context of the 19th century such works is that the travel route is not, in this case, decisive. The plot of the Wanderer is formed not so much by the detailed routes of the Asian expeditions of the author, as by the most vivid events of travel, especially those that cut into the memory of the author. This, on the one hand, promotes some fiction of the narrative, and, on the other hand, brings Kovalevsky’s book closer to the genre of memoirs. In Kovalevsky’s narrative, personal experience is intertwined with the stories of other eyewitnesses or participants in the events described, and even with what, as noted above, he drew from the notes and essays of Russian and European travelers who had visited Central Asia before him. Organizing the narrative of Kovalevsky’s book “random events” of Central Asian travel are in fact selected in a careful manner

and carefully related to each other in the composition of the work. This is a deliberate and thought-out strategy of the author. The combination of information, knowledge, impressions obtained from different sources, backed up by the author's own experience is a characteristic feature of the narrative in *The Wanderer*. Obviously, this allows Kovalevsky to demonstrate a voluminous and large-scale vision of the described situations and events and contributes to some clearly realized belletrization of the narrative. Orientalism in "The Wanderer" has a different focus than usual. Kovalevsky is interested not only in the people of Central Asia themselves and their customs and customs that are exotic for European man, but rather the European / Russian himself in an unfamiliar world that is often hostile to him.

Key terms: travelogue, reader, author, memoirs, composition, travel route.

Reference literature (in transliteration):

Belinskiy V. G. *Stranstvovatel' po sushe i moryam*. In: Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, AS USSR Publ., 1955, vol. 7, p. 610–614. (in Russ.)

Burnes A. *Travels into Bokhara. Being an account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia. Also, narrative of a Voyage on the Indus from the Sea to Lahore*. London: John Murray, 1834.

Conolly A. *Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan*. By Leut. London: Richard Bentley, 1834.

Dal V. I. *Pis'ma druž'yam iz pokhoda v Khivu*. *Russkiy arkhiv*, 1867, no. 3–4. (in Russ.)

Farafonova O. A. *Marshruty russkikh travelogov 18th veka. Russkiy travelog 18–20th vekov: marshruty, toposy i narrativy*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2016, p. 261–285. (in Russ.)

Guminskiy V. M. *Otkrytie mira, ili Puteshestviya i stranniki*. Moscow, *Sovremennik*, 1987. (in Russ.)

Kovalevskiy E. P. *Sobranie sochineniy*. In 5 vols. St. Petersburg, I. I. Glazunov Publ., 1871, vol. 3. (in Russ.)

Kovalevskiy E. P. *Srednyaya Aziya. Puteshestvie Muraviyova, Meindorfa, Konolli i Bornsa. Biblioteka dlya chteniya*, 1834, vol. 6, pt. 3, p. 105–136.

Meindorf E. K. *Kratkoe nachertanie puteshesviya Rossiyskogo posol'stva iz Orenburga v Bukhariyu v 1820 godu*. *Severnyi arkhiv*, 1822, January, no. 2, p. 184–193. (in Russ.)

Meindorf E. K. *Otryvok iz puteshesviya v Bukhariyu polkovnika barona Meindorfa v 1820 i 1821 godakh*. *Severnyi arkhiv*, 18242, January, no. 1, p. 31–40; January, no. 2, p. 82–90; February, no. 3, p. 152–162. (in Russ.)

Muraviyov-Karskiy N. N. *Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeyskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Muraviyova, poslannogo v sii strany dlya peregovorov*. Moscow, Avgust Semen Publ., 1822. (in Russ.)

Osmukhina O. Yu. Avtorskaya maska v protsesse stanovleniya avtorskogo soznaniya (k voprosu o zhanrovoy forme). 26th Pushkinskie chteniya. October 19, 2011. Collection of scientific reports. Moscow, 2011, p. 7–14. (in Russ.)

Pecherskaya T. I. Proekt Annotirovanniy ukazatel' "Russkiy travelog 18th – nachala 20th v.": k postanovke problem. *Russkiy travelog 18–20th vekov: marshruty, toposy i narrativy*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2016, p. 8–19. (in Russ.)

Pletnev P. A. Stranstvovatel' po sushe i moryam. *Sochineniya i perepiska P. A. Pletneva*. St. Petersburg, Imp. AS Publ., 1885, no. 2, p. 407–408. (in Russ.)

Terentiev M. A. Khivinskie pokhody russkoy armii. Moscow, Veche, 2016. (in Russ.)

Valskaya B. A. Puteshestviya E. P. Kovalevskogo po Zapadnomu Kazakhstanu v 1839–1840 gg. (po neopublikovannomu "Putevomu zhurnalu". *Snrany i narody Vostoka*. Moscow, Nauka, 1980, iss. 22, book 2, p. 46–65. (in Russ.)

Valskaya B. A. Puteshestviya Egora Petrovicha Kovalevskogo. Moscow, Geografiz, 1956. (in Russ.)

Vilenkin V. L. Stranstvovatel' po sushe i moryam (Egor Petrovich Kovalevskiy). Moscow, Mysl', 1969. (in Russ.)